

22 декабря, Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

Конечно, Вы слышали о Лаврентия. Ведь поколение Ваше — все же романтики. Помимо прочего, этот романтизм находил выражение в необозримых далях, где царствуют ночная мгла, метели и вьюги, где светят огни полярного города, и, конечно, он отражался в звучных названиях: Провидения, Диксон, Мыс Шмидта, Таймыр, остров Врангеля, Ванкарем... И среди наиболее манящих — Лаврентия.

Никто не мог соперничать с бородачом вроде Хэмингуэя, только более крепким и мужественным, потому что не не пальмы с кипарисами, а льды и торосы манили, влекли, притягивали; не сандалии и береты, не маечки и трусики, а толстые свитера, меховые куртки и унты — вот что особо красит мужчину. Разве не отдали бы Вы всё на свете за то, чтобы быть рядом со щетинистым полярником? Кто он: геолог, летчик, моряк, золотодобытчик, — какая разница? Главное, он центральная и наиболее вожделенная часть великого и прекрасного мифа, в который верили и который любили. И между прочим, не такой уж это был миф...

Сегодня знакомился с поселком и набрел на краеведческий музей. Он расположен на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Хотя это лишь филиал, в нем имеются достойные экспонаты. Здесь и чучела полярных животных — морских и сухопутных; и орудия труда, которыми пользовался древний человек; и одежда охотников на морского зверя; и средства охоты; есть кости, камни, черепки и многое другое из прошлой жизни. Нет только ничего из жизни настоящей...

Был также в районной библиотеке. Она занимает старое одноэтажное здание и носит имя Т.З.Семушкина.

Тихон Захарович родился ровно сто лет назад в Пензенской губернии, в селе Старая Кутля Мокшанского уезда, в семье крестьянина-столяра. В молодости начитался сочинений Тана-Богораза и стал подвижником Севера. С 1924 года Семушкин был связан с Чукоткой, а с 1928 года — непосредственно с Лаврентия. Здесь в то время построили культбазу, и Семушкин открыл в ней первую школу-интернат. Не знаю, сколько времени он пробыл на Чукотке, но с 1937 года Тихон Захарович сосредоточился на литературной деятельности. Его самая известная книга — «Алитет уходит в горы». Умер писатель в 1970 году.

Фонды библиотеки богатые, но ветхие. Новых поступлений нет. Уж если в Москве и Санкт-Петербурге библиотекари жалуются, что же говорить о Лаврентия! Отопления тоже нет, хотя котельная рядом. Библиотекарша — молоденькая чукчанка Юля — сидит в пальто, листает журнал и на меня не отвлекается. Пытался завести с нею разговор. Вытягивал каждое слово:

— Почему не топят?

— Ребята загуляли. (Имеются в виду кочегары.)

— Отчего загуляли?

— Выплатили деньги к выборам, и они запили.

У озябшей Юли претензий к кочегарам нет. Им полгода не платили, и они решили не выходить на работу. Теперь наконец заплатили, и кочегары на радостях запили. Их бы выгнать да набрать других, хороших, непьющих, — но где таких возьмешь? Где еще отыщешь кочегаров, которые будут полгода работать за просто так? Только у нас. А где найдешь таких библиотекарей? А врачей где найдешь? А учителей? Нет, нет — таких, как мы, нигде не отыщешь.

Говорили мы с Юлей и о ней самой, но прежде вот о чём.

Когда мы узнаём об очередном повышении цен на авиабилеты, то, конечно, не радуемся. Мы даже огорчаемся, как огорчаются неприятной новости, непосредственно нас не касающейся. «Не касающейся», потому что жителям торжков, новоржевов и вышних волочков нет дела до того, почем авиабилет.

Они давно перестали летать, ездить, и слава Богу, что еще ходят. Но для жителей Севера стоимость авиабилета имеет значение не меньшее, чем цена на хлеб. В условиях, когда самолет — единственное средство доставки продуктов, лекарств, писем, всего на свете, когда ничем иным не доберешься до материка, подорожание авиабилета — настоящая катастрофа.

Билет из Лаврентия в Анадырь стоит две с половиной тысячи рублей. (А из Билибино в Анадырь — четыре с половиной!) Можно, конечно, провести отпуск в Анадыре, но почему-то все стремятся дальше. А попасть «дальше» можно только через Москву, билет до которой стоит девять тысяч! Да из Москвы к месту отдыха — еще тысяч пять. Итого стоимость одного билета — семнадцать тысяч рублей! В один конец! А обратно? А пребывание в аэропортах, где надо и поесть, и в случае чего переночевать? А сам отпуск тоже не под открытым небом: здесь и стоимость путевки, и экскурсии, и побаловать себя хочется. К тому же северяне едут не только отдыхать. Они стараются приобрести самое необходимое себе и детям. Одежду, например. А если ехать в отпуск семьей? Посчитайте, какие деньги нужны для этой невинной затеи. Раньше государство компенсировало затраты на авиабилеты. Но это было раньше...

Библиотекарша Юля получает семьсот рублей, и проблема отпуска для нее попросту не существует. Но девушка учится в Анадыре, в колледже. Учеба и обретение профессии дают шанс уберечь себя в жестоком мире, а при случае — возможность выбраться, хотя бы в тот же Анадырь. Раз в год Юле нужны деньги на авиабилет и на двухмесячное проживание в общежитии (60 руб. в сутки). На еду Юля тратит немного, но и «немногое» тоже надо иметь. По закону половину расходов должна нести библиотека, а половину сама Юля. Но чем же она будет оплачивать, если уже год не получает зарплату? Отдел культуры выдал ей три тысячи рублей — в долг. Замечательно. Но как этот долг отдавать? Я пытался выяснить у Юли ситуацию, но она уже запуталась и считает дело безвыходным. Бросить колледж — означает конец надеждам, в то

же время долг растёт, стоимость авиабилетов увеличивается, и что будет — неизвестно.

У Юли мало интереса к библиотеке, к книгам, вообще к жизни, и винить её за отчаяние — не отважусь. Одно знаю: ей помогут и не дадут пропасть лаврентьевские женщины, которые прибирают к рукам все, в чем еще теплится жизнь. Прежде всего это образование, медицина, культура и управление поселком.

Я давно убедился, что в России всё держится на женщинах. Люди сведущие дополняют: и всегда держалось. И то, что мы еще не пропали, — их заслуга. В Лаврентия вообще, кроме женщин, кажется, никого нет. Есть дети и еще... какие-то типы, в которых при большом воображении можно опознать мужчин.

То, что Чукотка — самый бедный край в России, можно оспорить. Но то, что Чукотский район беднейший на Чукотке, сомнению не подлежит. Экономисты и политики такие районы нарекли словом «депрессивный». Здесь нет ничего, что могло бы приносить доход. Развивается, точнее, сохраняется лишь так называемая «социальная сфера». В Лаврентия один из главных очагов жизни — школа.

Я много езжу по городам и весям, но еще не встречал школы, подобной лаврентьевской. Здесь учителя в такой степени живут профессией, словно школа не главный, а единственный их дом. Ни в одной из провинциальных школ я не видел таких оборудованных классов и столь бережного отношения ко всякому предмету: к книге, к карте, к линейке... Здесь кабинет химии — настоящий сад! Я насчитал в нем 72 растения! От деревьев до крохотных растений в горшочках. Поскольку я мало смыслю во флоре, хозяйка кабинета — Татьяна Михайловна — перечисляла названия, а я с трудом поспевал записывать. Больше всего бегоний. Самое большое растение — древовидная лиана фатсия японская. Ей двадцать лет! Есть китайские розы, мексиканские кактусы, циперус (дети зовут ее «пальмочкой»), герани, кливия, папоротник, лилия амазонская, аспарагус, плющ восковидный и просто плющ, каланхоэ, фиалки

узамбарские, молочай голубоватый. Нет только эдельвейса. Невзирая на температуру (плюс одиннадцать) — плодоносят лимоны. Назывались еще какие-то растения, но я не успел записать.

Кабинет химии — самый зеленый, но не единственный. Почти в каждом классе выращивают цветы, столь недостающие на Чукотке. И не только растениями богаты классные аудитории. Они оснащены шкафами, стеллажами, на полках много книг и прочего, что прежде называлось «материальной базой». Имеются даже телевизоры и видеомagniтофоны. Директриса, Тамара Валентиновна, говорит, что все это осталось от прежних времен. Стены в классах и коридорах расписаны русскими пейзажами и сценами из жизни литературных героев. Рисуют учителя и наиболее способные из учеников. Проходя мимо серого, невзрачного здания школы, ни за что не подумаешь, что внутри так тепло и уютно.

...Я вспомнил школу в селе Завидово, находящемся в двух часах езды от Кремля. Там, кроме старых парт, нет вообще ничего. Даже отопления. Поэтому зимой занятия проводят в соседнем детском саду, в три смены. Директор школы из последних сил старается организовать учебу детей и всеми правдами и неправдами удерживает оставшихся учителей. Ставка уборщицы в завидовской школе — меньше двухсот рублей в месяц, а у сторожа — полторы сотни. Поэтому школа не охраняется. Тем временем мимо школы, чтобы отдохнуть и поохотиться в благодатных завидовских угодьях, проезжают большие начальники. Да не просто

большие. Первые лица страны! И никому нет дела до этой несчастной школы, где учителя мечтают не о компьютерах и видеомagniтофонах, а о пишущей машинке...

...К лаврентьевской школе примыкает четырехэтажное здание, в котором размещены всевозможные кружки, секции, детский театр, школьный этнографический музей, а на четвертом этаже — отдел народного образования с методическим кабинетом и библиотекой. Перед тем как оказаться в этом отделе, я зашел в детский театр «Фея». Разодетые в карнавальные одежды дети

репетировали предновогоднюю пьесу. Ко мне подошли восьмилетняя Баба-яга, девятилетний Кощей Бессмертный и совсем маленький чертенок и пригласили на репетицию. Я не ценитель театра, но здесь всё выглядело серьезно и подкреплялось цитатой из Белинского, написанной на одной из стен: «О, ступайте, ступайте в театр! Живите и умирайте в нем!»

Я хочу жить и, при всем уважении к неистовому Виссариону, театров стараюсь избегать...

Теперь о том, как организована учеба на территории огромного и безлюдного района.

Школы есть во всех шести поселках. В них учатся 1135 учеников, из которых 990 — коренной национальности. В основном чукчи. Эскимосов значительно меньше. В поселках относительно больших — в Уэлене, Лорине, Нешкане и Лаврентия — школы с полным средним образованием. Там, где жителей менее пятисот — в Энурмине и Инчоуне, — организованы начальные классы. Во всех селах, за исключением Лаврентия, есть пришкольные интернаты, а в Уэлене с 1992 года введена учеба с художественным уклоном. Это связано с развитием косторезного промысла в этом поселке. Что касается дошкольных учреждений, то их посещают 446 детей, из которых 414 — коренных национальностей.

Большинство преподавателей района закончили Анадырское педучилище, Магаданский пединститут или Университет им.Герцена в Санкт-Петербурге. Сейчас в районе 176 учителей, из них 108 — коренных национальностей. Все они, как правило, выпускники школ Чукотского района.

Раньше для повышения квалификации учителей возили в Анадырь и даже в Москву. Теперь об этом и не мечтают. Работники отдела народного образования, как могут, помогают школам. Методисты по национальным программам, по учебно-библиотечному фонду, по воспитательной работе и дошкольным учреждениям в течение года обязаны побывать во всех поселках. Но если раньше в каждое село раз в неделю летал вертолет, то сейчас инспектора могут туда попасть только на вездеходе.

Как происходит такая «экспедиция», скажем, в Энурмино, до которого по прямой — 260 километров? Ехать приходится не по шоссе, не по проселочной дороге, даже не по грунтовой, а между сопок, по замерзшим рекам, по тундре. В селах обеспечение продуктами и промтоварами более чем скудное, поэтому стараются ехать не с пустыми руками. Загружают вездеход продуктами, учебниками, книгами, тетрадями, канцтоварами. Оставшееся место заполняют учителя. Вездеход — нечто среднее между боевой машиной десанта и автомобилем. Скорость передвижения не больше двадцати пяти километров в час. Как умудряются учителя впятером и даже вшестером выдерживать многочасовые, а то и суточные переезды? В таком транспорте непросто даже шевельнуться. К тому же гусеничный агрегат тащится «по долинам и по взгорьям» так, что вытрясти способен душу. А шум какой! А копоты сколько! Слава Богу, пока ничего страшного не случилось. Но, по рассказам учителей, когда едут по тундре, да еще ночью, напряжение большое. Техника старая, часто ломается. Ездят в основном зимой или ранней весной. Снег, мороз... Если вездеход забарахлит, часами выжидают, пока починят. В поездку надевают все, что только можно. Приятного в этом мало. Но все же для работников отдела каждая такая поездка — особенная. О них любят вспоминать и в новую командировку готовы выехать в любое время.

Едут, как правило, на восемь-десять дней. Суточные — 60 рублей. На проживание добавляют еще по 4 рубля 50 копеек. Живут обычно прямо в школе, в одном из классов. Ставят раскладушки — и ночлег готов. Командировочные складывают и покупают продукты: сахар, масло, куриные окорочка, крупы. Кое-что готовят сами — выпечку, например. Берут с собой, что у кого есть. Все неизбалованные и к суровому быту привыкшие. Подобный визит не казенная проверка. Без такой помощи не смогут работать школы.

Ну а как обстоят дела в самих школах?

По словам начальника отдела образования, Жанетты Азизовны, одаренных детей сейчас мало. Но все равно из района каждый год выпускники поступают в вузы. Учиться здесь непросто. И учить — тоже. Сейчас начались каникулы, и детей из интернатов надо каким-то образом доставить домой. А сделать это можно только снегоходом или собачьими упряжками, и то если за детьми приедут родители. В Инчоуне — четырехлетка, и в пятый класс учеников надо переводить в Уэлен, где есть средняя школа. А на каникулы им надо домой.

Пока мы разговаривали с Жанеттой Азизовной, в её кабинет вошла молодая учительница-чукчанка. Когда она еще училась в школе, с нею произошел страшный случай, как раз по дороге из Уэлена в Инчоун. Если удастся с нею познакомиться и поговорить, я обо всем разузнаю и напишу.

Сейчас уже глубокая ночь. А в Торжке еще только три часа дня...

«Неоценимую роль в осуществлении Закона о всеобщем образовании в условиях Чукотки сыграли школьные интернаты. Вся деятельность школьных интернатов показала с убедительной ясностью правоту органов Советской власти, которые с первых дней ориентировали на их создание. Особенно отчетливо вопрос об интернатах для детей прозвучал на Первом туземном съезде Дальне-Восточного Края в 1925 году. В резолюции съезда было записано:

“1. Принимая во внимание бытовые и экономические особенности туземцев, многоплеменность, разбросанность, кочевой образ жизни, отсутствие письменности и культурных людей среди них, съезд считает, что обыкновенный метод

школьно-просветительной работы, как и школа существующего типа, не подходят для туземцев.

2. Наиболее подходящим и жизненным типом школ, могущих поднять не только культурный уровень туземцев, но и их экономическое положение... съезд считает такой тип школ, при котором должно быть общежитие для детей»».

*«Краеведческие записки». Выпуск IV.
Магадан, 1962, стр.14*

«В Танюерскую тундру впервые была направлена Красная Яранга в 1941 году, в составе которой был учитель с материалами для организации кочующей школы. В течение девяти месяцев (с января по октябрь 1941 года) Красная Яранга и школа не могли найти стойбища кочевников, хотя изъездили на оленях несколько тысяч километров.

В феврале 1941 года Красную Ярангу застала 15-дневная пурга. Оленей съели волки. Заведующий Ярангой и учитель остались без пищи на расстоянии 400 километров от ближайшего селения. Начались поиски. Спустя много дней розыски увенчались успехом. Полуобмороженные люди были доставлены в Усть-Бельскую больницу.

Однако это не сломило желание педагогов найти кочующих детей. После излечения они снова отправились на поиски, только теперь уже на собаках. Стойбище было отыскано в отрогах Анадырского хребта лишь в октябре месяце 1941 года. Оно состояло из 8 яранг.

Первые попытки организовать школу провалились. Под влиянием различных слухов родители большинства учащихся отказались учить детей. Учитель Красной Яранги решил остаться в кочевье и дальше кочевать с табуном. При этом он стремился выяснить места других стойбищ.

Наконец педагоги победили. В январе 1942 года поступили первые отчеты о создании кочующей школы и о проделанной Красной Ярангой работе».

*«Краеведческие записки». Выпуск IV.
Магадан, 1962, сс.36-37*